

Когда наступил вечер, Фэн Цзю в маске присела на корточки в прибрежных камышах, чтобы наблюдать за происходящим.

Бесчисленные небесные фонарики, принадлежащие горцам, заполнили бухту. Они рассыпались по небу, как мерцающие красные звезды.

Сегодняшний вечер совпал с деревенским фестивалем Нефритовой Девы. Этот фестиваль был праздником сватовства между мужчинами и женщинами, вековым обычаем этого места. В ночь фестиваля одинокие молодые люди и девушки надевали маскарадные костюмы, чтобы выйти на улицу. Там, где высоко колосились травы, а цветы были неподвижными, они использовали песни и танцы, чтобы признаться в своих чувствах; считалось, что пары, образующиеся в этот вечер, проведут вместе всю жизнь.

Поскольку они проводили такое важное мероприятие, ходили слухи, что сегодня вечером гора Разбитого Сердца будет закрыта.

Фэн Цзю повозилась с маской на голове и тихо засмеялась. К счастью, она взяла с собой маску по наитию, иначе проникнуть в горы было бы не так-то легко.

Порыв ветра пронесся по речной топи, Фэн Цзю чихнула и достала из рукава носовой платок, чтобы утереться. Она подняла глаза и увидела перед собой яму с водой, которую сделала днем. Су Мое, который играл роль одетого в пурпур Сицзэ, медленно занимал свою позицию.

Ночью луна будто села на веточку ивы,

Висела так низко, была так кругла и красива.

В сумерках я вдруг увидел ЕЁ, словно деву из снов...[1]

Тотчас появилась девушка в синем одеянии. Она неторопливо шла вперед, но, не дойдя до закрытой ямы, остановилась. В свете фонарей и факелов горцев ее пылкий взгляд был устремлен на Су Мое.

Фэн Цзю сжала кулаки и беззвучно, словно мантру, бормотала: «Еще один шаг, всего один...»

Одетая в синее Чанди остановилась и не двинулась дальше. Неуверенная и застенчивая, она скромно выразила свой сердечный трепет: «Ваше Превосходительство прислали мне письмо, и я его прочла. В письме вы сказали, что уже давно восхищаетесь мной и часто проводите бессонные ночи, думая обо мне...»

Фэн Цзю увидела, как тело Су Мое слегка дрожит на ночном ветру.

Чанди застенчиво подняла голову.

- Ваше Превосходительство также сказали, что днем, когда вокруг полно людей, все очень сложно. Поскольку вы не могли смотреть на меня под взглядами других, вы пригласили меня сюда, чтобы облегчить свою тоску, хотя и боялись, что это будет самонадеянно...

Фэн Цзю увидела, как тело Су Мое еще раз слегка дернулось на ночном ветру.

Во взгляде Чанди читалась нежность, когда она тихонько фыркнула: «Ну, вот я и здесь, но почему вы только смотрите на меня и ничего не говорите? Вы так на меня смотрите... это действительно смущает меня...»

Фэн Цзю увидела, как тело Су Мое дернулось еще раз, когда он сделал шаг назад. Она с волнением мысленно подбадривала его: «Мо Шао, будь сильным!»

Чанди посмотрела прямо на Су Мое, затем обворожительно улыбнулась со словами: «На самом деле вам не нужно беспокоиться, что ваши действия посчитают опрометчивыми. Мои чувства к вам тоже...» - она не удержалась и сделала шаг вперед.

- А-а-а!!!

Чанди упала в яму с водой.

Фэн Цзю на мгновение была ошеломлена. Когда она снова могла реагировать, то вытерла вспотевший лоб, увидев Су Мое, застывшего перед углублением с водой. Она быстро выскочила из камышей и жестом показала ему, что рыба поймана. Хотя это и было неожиданностью, он должен был сделать следующий шаг и нырнуть, чтобы спасти ее. Увидев ее жест, Су Мое на мгновение заколебался, а затем превратил свою флейту в шест длиной в двадцать футов, чтобы обшарить яму.

Из ямы донесся обиженный голос Чанди: «Ваше Превосходительство, вы бьете меня по голове...» Су Мое поспешно замедлил свои тычки и ответил: «О, извините, извините, почему бы вам не взобраться по этому столбу? Как вы могли быть так неосторожны? Я сейчас же принесу вам какую-нибудь одежду».

Присев на корточки, Фэн Цзю увидела сквозь камыши промокшую насквозь Чанди, поднимающуюся по флейте Су Мое. Когда она выбралась, то всхлипывая, последовала за ним к пришвартованной маленькой лодке.

Несмотря на непредвиденные проблемы, это дело было на полпути к успеху. Только Мо Шао во время всего предприятия был немного неуравновешенным. Может быть, слова, которые она оставила Чанди в письме, были слишком страстными? Настолько страстными, что даже влюбленный Мо Шао не мог их вынести? Завтра, если Сицзэ узнает, что она написала Чанди

такое любовное письмо от его имени, как он это перенесет?

Фэн Цзю испустила глубокий вздох, и тут же услышала чей-то голос рядом с собой: «Что ты здесь делаешь?»

Фэн Цзю оглянулась и радостно улыбнулась, увидев его: «Жду тебя, конечно. Разве я не сказала, что отведу тебя посмотреть на цветы Юэлин после того, как мы закончим?»

Она посмотрела на маленькую лодку вдалеке: «Ты очень быстрый. Ты только что увез Чанди, и уже успел вернуться».

Затем, оглянувшись на него, она спросила: «Почему ты все еще в облике Сицзэ? Переодевайся, здесь больше никого нет».

Вернувшись на свой наблюдательный пост в камышах, она достала оттуда маску из кипарисового дерева и потянулась к красивому лицу Сицзэ: «Чуть не забыла. Если мы собираемся в горы, чтобы увидеть цветы Юэлин, мы должны надеть это. Хорошо, что я захватила одну и для тебя. Поскольку ты не знаешь дороги, держись поближе ко мне».

Затем она похлопала его по плечу: «Хорошо, только тебе нужно будет запомнить две вещи: если незнакомая девушка споет тебе, скажешь следующее: 'Будь настороже, укрепи свою духовную организацию', а если какой-нибудь незнакомец захочет меня похитить, отвечай так: 'Забудь о вежливости, повали его на землю'. На этом пути нас ждут бесчисленные звери и препятствия, так что нам придется помогать друг другу. Кхе-кхе, конечно, в основном ты мне помогаешь».

Су Мое хрипло что-то пробормотал.

Фэн Цзю наклонила голову: «Почему твой голос так похож на голос Сицзэ? Разве я не говорила тебе, что пора вернуть все на свои места?» Взглянув на небо, она продолжила: «Ладно, уже и так много времени потеряно; надо торопиться, а то опоздаем».

В глубине гор солнечный свет постепенно угасал, весенняя ночь была беззвездной. Чтобы осветить дорогу, Фэн Цзю прибегнула к помощи ночной жемчужины. Побегам бамбука и красивые вьющиеся растения выстроились вдоль дороги.

Фэн Цзю узнала об этом прекрасном месте, известном как залив Минси, из старинной книги, которую она нашла во дворце. В книге также имелась подробная карта. В этот момент Фэн Цзю держала в руке эту карту, чтобы сориентироваться.

На горе Разбитого Сердца сегодня вечером шло празднество, но старец под луной [2] не соответствовал нынешним декорациям. Небо было темным, как большой черный купол, нависший над их головами. Мо Шао в образе Его Превосходительства прятался в тени этого

купола, его почти не было видно; Фэн Цзю пришлось без всякой поддержки ковылять по тропинке.

Чем дальше они углублялись в горы, тем больше местность становилась пустынной. Иногда они слышали рев тигров. Фэн Цзю чувствовала, что это было мудрое решение - взять Су Мое с собой в это путешествие.

Красивые певучие голоса постепенно затихали вдалеке. Когда они добрались до залива Минси, их глаза встретила непроглядная тьма, а уши - мертвая тишина. По сравнению с шумной толпой на берегу, это место выглядело совсем по-другому.

Фэн Цзю спрятала светящуюся жемчужину обратно в рукав, легла на покрытую ночной росой траву и позвала Су Мое лечь рядом с ней. В нескольких шагах от нее раздался шелест травы, и она решила, что Мо Шао прислушался к ее предложению.

Сегодня вечером Мо Шао был мрачен. Фэн Цзю сначала предположила, что это было вызвано чтением любовного письма Чанди. По дороге сюда она услышала песню, доносившуюся из леса. Она уловила первый и последний куплет, вместе они образовали четыре строки:

«Мы стали мужем и женою, заплетя вместе волосы.

И меж нами никогда не промелькнуло сомнения.

Буду жить, я к тебе вернусь, чего бы это ни стоило;

Но если я умру, продолжай помнить меня». [3]

Когда эта красивая песня коснулась ее ушей, на нее, словно вспышка света, внезапно снизошло озарение.

Кто такой Мо Шао? Тот, кто и глазом не моргнет при виде миллионов цветов, окружающих его, будет ли он ошеломлен слегка возмутительным любовным письмом? Мо Шао молчал, потому что в этот чудесный час этой прекрасной ночи он вспомнил об Аранье после того, как увидел, как милуются пары вокруг. Поэтому он чувствовал себя обиженным и молчал всю дорогу.

Оставить Мо Шао одного в плохом настроении было совсем не по-дружески, поэтому ей нужно было как можно скорее найти тему для разговора, чтобы отвлечь его внимание от мрачных мыслей.

В темноте Фэн Цзю прочистила горло и нарушила молчание: «В книгах написано, что цветы Юэлин не расцветут до конца часа Собаки [4]. Возможно, нам придется подождать еще немного. Есть народная песня про цветы Юэлин, ты когда-нибудь слышал о ней?» Рассказывая ему об этом, она похлопала себя по руке и тихонько пропела:

«Цветок Юэлин, как снежинка, высоко расцвел.

Рукой жестокой сорван он, засох и умер.

Он жил лишь миг, а в следующий - исчез.

Когда луна взошла, цветка уж нету и в помине.

Цветок расцвел - и пропустил Луну.

Цветка жизнь мимолетно пролетела.

Цветок о Луне не знал,

И Луна о цветке не ведала».

Фэн Цзю в юности не отличалась усердием. Она плохо справлялась со всеми основными предметами, вызывая у Повелителя Лис Бай Чжи сильную головную боль. Но она была талантлива в пении и танцах. Когда она была маленькой, то любила покрасоваться. Только позже, когда она прочитала в тетушкиных книгах, что танцевать для других это работа артиста, она прекратила свои выступления. Она, не колеблясь, превратилась в певицу сегодня вечером, чтобы утешить Су Мое; для друзей она была готова на все. Фэн Цзю чувствовала, что она была очень щедрой и добродетельной.

Это была очень грустная песня, и Фэн Цзю хорошо выразила свои чувства, но Су Мое, выслушав ее, только молвил легко: «Ты неплохо поешь» и больше ничего.

Сегодня вечером Мо Шао вел себя немного странно. Но поскольку он был таким, еще больше причин было не оставлять его одного. Фэн Цзю вглядывалась в тени и продолжала говорить: «Я не сильно интересуюсь цветами и растениями, но о цветах Юэлин мне захотелось почитать. Ты, вероятно, не знаешь этого, но в мифах рассказывается, что эти цветы цветут только во время фестиваля Нефритовой Девы. Когда цветут цветы, мы не видим лунного света, поэтому в это время года всегда безлунно. На самом деле, по сравнению с цветами Юэлин и Луной, вы и А...»

Имя Араньи было на кончике ее языка, когда Фэн Цзю быстро одернула себя. Мо Шао было грустно, и причиной тому была Аранья. По своему опыту она знала, что в такие моменты лучше не упоминать имени Араньи. Подумав, Фэн Цзю не стала использовать ее имя, и быстро симпровизировала: «Уже хорошо, что у тебя есть воспоминания о ней. Взгляните на цветок Юэлин, он томится, желая хоть раз увидеть лунный свет. Но когда восходит луна, она не видит цветка. Когда цветок распускается, он не видит луны. Они никогда не встретятся, это любовь, которой никогда не суждено сбыться. Разве это не трагичная история?»

Прошло много времени, но Су Мое был спокоен и неподвижен. Когда Фэн Цзю собралась

заговорить снова, ее глаза расширились при виде яркого света, медленно поднимающегося в воздухе.

Лучезарное сияние постепенно окружало ландшафт вокруг. Среди огромного цветочного поля змейкой вился ручей. Среди деревьев Юэлин крошечные лепестки собирались в цветы, испуская тусклый белый свет. Они покинули ветви и поплыли по небу, как будто окрашенным слоем лунного света и инея. Ниточка летящих цветов напоминала небольшой клочок неба, лепестки которого плавали в воздухе, словно сверкающая полоса звездного облака.

Итак, это было цветение цветов Юэлин. Как это было прекрасно! Фэн Цзю никогда не видела такой красоты ни в Цинцю, ни на Девяти Небесах.

Фэн Цзю взволнованно повернула голову и посмотрела на Су Мое. Мо Шао положил голову на руку, все еще абсолютно, категорически угрюмый. Она не могла не вздохнуть про себя. Чтобы опытный ловелас так страдал даже спустя двести лет, Аранья, должно быть, была особенной.

Фэн Цзю было невыносимо видеть этого унылого, молчаливого и одинокого Мо Шао. Она придвинулась ближе и указала на скользящие в воздухе снежные цветы Юэлин, решив утешить его: «Посмотри, почему Юэлин так прекрасны, когда цветут? Это потому, что сегодня ночью вокруг нет ничего другого, и они единственные ярко светятся в темноте. Мы можем видеть только их, вот почему они самые красивые».

Она повернулась, чтобы посмотреть на лицо Су Мое в маске, и искренне посоветовала: «В течение стольких лет ты никак не мог забыть ее, потому что не позволял ничему и никому, кроме нее, войти в твои мысли. Когда ты пытаешься стереть все остальное, ее образ становится все ярче и глубоко укореняется в твоём сердце. Так это приносит еще больше боли». Она сделала серьезный жест рукой: «Но это неправильно, кроме нее есть другие люди, другие вещи. Иногда мы продолжаем упрямяться, потому что слепы. Мо Шао, дело не в том, что ты этого не знаешь. Ты просто не хочешь двигаться дальше». Если такой здравомыслящий человек, как Мо Шао, все еще не может этого понять, значит, она выполнила свой долг и сделала все, что могла.

Неожиданно Мо Шао открыл рот, чтобы заговорить. Цветы Юэлин по очереди расцветали и увядали, как мерцающий поток света. Под этим потоком Мо Шао хладнокровно сказал: «Что плохого в том, чтобы сохранить в памяти только одного человека? Что такого особенного в других людях, что я должен обращать на них внимание?»

Фэн Цзю не могла не восхититься тем, что Мо Шао смог выразить свои чувства всего несколькими словами. Но помимо восхищения возникла и жалость, и она не могла не смягчиться: «Твоя непоколебимая преданность действительно редка, но впустить ее в свое сердце все равно болезненно...»

Мо Шао прервал ее, его тон был неопределенным и ничего не выражающим: «Когда это мне было больно?»

Фэн Цзю считала Мо Шао «дохлой уткой с твердым клювом» - он не мог вынести, чтобы другие видели его уязвимость, поэтому она согласилась с ним: «Я знаю, знаю, что это не обычная боль, а сладкая боль. Я понимаю, понимаю. Но эта сладкая боль разобьет тебе сердце. Ты не должен закрывать глаза, потому что такая боль становится смертельной, как только проникает в тебя...»

Мо Шао прервал ее: «Не думаю, что ты действительно знаешь».

- Боже, как мужчина просто признайся в своей боли, - нахмурилась Фэн Цзю.

Она вдруг вспомнила, что если хочешь кого-то утешить, нужно быть нежной. Она приподняла брови и смягчила голос: «Наверное, сейчас у тебя стадия отрицания. Если тебе не больно, тогда почему ты так странно спокоен сегодня?»

Мо Шао взглянул на нее, потом отвернулся и больше ничего не сказал.

Сердце Фэн Цзю громко забилось. Не говорите, что из-за того, что ей хватило лишь одного взгляда, чтобы увидеть его скрытые чувства, он был настолько смущен, что разозлился? Выходит, Мо Шао тоже мог быть очень мелочным.

Ну что ж, поскольку он уже злился на нее, ей больше не нужно было выбирать выражения. Она временно отложила свою миссию просветления. Тем не менее, было кое-что, что ее действительно интересовало. Она слышала много историй об Аранье, но до сих пор не знала, какая она на самом деле. Почему бы не воспользоваться его гневом и не обмануть его немного?

Фэн Цзю казалась естественной и говорила небрежным тоном: «Ты сказал, что хочешь сохранить в памяти только одного человека. Как она выглядела?»

Ночь была тиха; с далеких холмов доносилась песня, неясная и слабая. Когда Мо Шао, наконец, заговорил, его голос был тихим, но она услышала в нем искренность.

«Она прекрасна, - сказал он ей. - И будет еще красивее, когда станет старше». Он помолчал и добавил: «И у нее хороший характер. А еще она талантлива, талантлива во всем». И, наконец, заключил: «Все в ней замечательно». Затем, как бы говоря сам с собой, добавил: «Поскольку я выбрал ее, естественно, все в ней замечательно».

Фэн Цзю задумалась над словами Мо Шао. Хорошенькое личико, хороший характер, с талантами в придачу, неудивительно, что Аранья была обречена на неудачу с самого начала. Была старая поговорка: 'Небеса завидуют замечательным женщинам'. Таких женщин боги стремились поскорее забрать к себе, и едва ли можно было оплакивать их. К счастью, она и ее тетя, хотя и были довольно красивы внешне, не обладали ни особенно хорошим характером, ни каким-либо талантом. Однако она вдвойне ценила слова Мо Шао и хотела согласиться с ним, но не знала, что именно сказать.

- Был один человек, который мне когда-то нравился. У меня сложилось впечатление, что он был очень хорош собой, но я думаю, что он был ужасным человеком.

Затем она добавила: «Вот почему он проживет долгую жизнь».

- Со мной здесь она тоже проживет очень долгую жизнь, - рассеянно отозвался Мо Шао.

Фэн Цзю мысленно вздохнула. Хотя она не уловила в голосе Мо Шао ни следа горького сожаления, нельзя судить о боли поверхностно. Должно быть, он сильно страдал. Если бы Мо Шао был здесь в тот год, он смог бы спасти жизнь Араньи. Увы, судьба играла с человеком. Услышав эти слова Мо Шао, она подумала, что он сильно раскаивается.

Как же Мо Шао страдал от безнадежной любви, как грустил!..

На их глазах цветы Юэлин уносились ветром все дальше, как падающие звезды. Взрыв цветов пролетел мимо и исчез в мгновение ока, точно так же, как эти слова 'Живи в одно мгновение - умри в следующее'.

Су Мое встал первым и сказал: «Пошли».

Фэн Цзю тоже встала и поправила юбку. Когда она подняла голову, то внезапно замерла под меркнувшим светом от цветов Юэлин. Минуту назад, лежа на траве, она не обращала на это особого внимания. Когда она встала, то с удивлением обнаружила, что, хотя лицо Су Мое скрывала богато украшенная маска, открытые пряди волос все еще были серебристого цвета в лунном свете.

Внезапно, как гром среди ясного неба, ей в голову пришла мысль.

Много времени спустя, в слабом сиянии, напоминающем туман раннего рассвета, она вдруг подошла к человеку в пурпурном одеянии и дрожащей рукой поднесла руку к его лицу; маска упала. Пульсирующий свет цветов распространился на деревья, траву и их двоих. В этом пульсирующем световом поле Фэн Цзю хрипло произнесла: «Господин Сицзэ?» Когда он не ответил, она снова спросила: «Почему ты солгал мне?»

Молодой человек поймал одной рукой сползающую маску и легко ответил: «Я никогда не говорил, что я ваш учитель, господин Мо».

---

[1] это строки из стихотворения Оуян Сю под названием «Праздник фонарей». Оуян Сю

(1007-1072) – великий поэт эпохи Сун (X-XIII вв.)

[2] бога, который управляет брачным союзом людей, зовут Юэ Лао (Лунный старец) или «Юэ ся Лао» (Старец под луной). Он появляется ночью под светом луны и соединяет будущих супругов красной нитью, привязывая её к их ступням. Даже если они находятся далеко друг от друга, они всё равно встретятся и станут мужем и женой.

[3] это строки из стихотворения «Прощание с моей женой», написанного генералом Су У во времена династии Хань. Он написал ее для своей жены, когда император поручил ему отправиться послом к гуннам

[4] час Собаки - около 9 вечера

<http://tl.rulate.ru/book/32932/760804>